ПРОТОКОЛ 13

II

КОЛЬЦЕВОЙ НЕКСУС

МИХАИЛ СОЛОВЬЕВ

Михаил Соловьев

Протокол 13. Кольцевой Нексус

Серия «Протокол 13», книга 2

https://litres.ru/72584389
SelfPub; 2026

Аннотация

Илья Воробьёв едет в Тулу за первым реальным следом отца, которого считал погибшим двадцать один год. В старом подземном узле действительно хранится фрагмент его личности. И он там не один.

Сорок три человека распределены между пятью городами. Один из узлов уже отключён, другой готовят к демонтажу, и с каждым часом часть сохранённых данных исчезает.

Чтобы не потерять их окончательно, Илье придётся пройти через Тулу, Калугу, Рязань, Иваново и Тверь и собрать Кольцевой нексус раньше тех, кто хочет подчинить его единому центру.

Но чем ближе Илья к отцу, тем опаснее становится главный вопрос: если система способна вернуть человека, кто получит право решать, кого возвращать первым?

Содержание

ГЛАВА 1. ТУЛА 4
ГЛАВА 2. СОРОК ТРИ ИМЕНИ 19
ГЛАВА 3. КАЛУГА 28
ГЛАВА 4. РЯЗАНЬ 44
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Протокол 13. Кольцевой Нексус

ГЛАВА 1. ТУЛА

В пять сорок утра мать поставила на стол чай и спросила, почему я снова уезжаю, если только что вернулся.

— Потому что в Туле осталась запись папы.

Она перестала резать хлеб.

Нож остался в руке. На доске лежала половина батона, и от этой обычной вещи мне стало хуже, чем от всех экранов Коллектора.

— Запись? — переспросила она.

— Я не знаю, что именно. Состояние. Фрагмент памяти. Может быть, ничего полезного. Может быть, только служебная отметка.

— Но ты едешь за ним.

— Да.

Мать положила нож.

В двадцать один год ожидания легко поместить любую надежду. Особенно если надежда приходит в виде строки на мониторе и не умеет отвечать за последствия.

— Илюш, — сказала она, — если там не он, ты не обязан делать вид, что он.

Я кивнул.

Это была первая разумная инструкция за последние три дня.

Кот ждал во дворе в белом фургоне. На боку всё ещё проступало слово «Продукты», хотя продуктов в нём не было уже много лет. Вместо них — ящик инструмента, два аккумулятора, складная каталка, канистры с водой и Маша, уснувшая на заднем сиденье в куртке.

— Поспал? — спросил Кот.

— Три часа.

— Богато.

Он протянул мне термос.

— Лена передала.

— Чай?

— Кофе. Чай она бы тебе не доверила.

Я сел впереди. Мать стояла у подъезда, пока мы не выехали со двора. Я не махнул. Она тоже. Некоторые прощания лучше не оформлять как прощания.

На МКАДе Маша проснулась и сразу открыла планшет.

— Тульский узел отвечал сорок минут назад.

— А сейчас?

— Сейчас только служебный канал.

— Это плохо?

— Я ещё не решила.

Кот фыркнул.

— Люблю ваши системные формулировки.

Маша не обиделась.

— Плохо будет, если он перестанет отвечать совсем.

На экране была карта пяти городов: Тула, Калуга, Рязань, Иваново, Тверь. Между ними серые линии. Не круг в географическом смысле. Кольцо было логическим: каждый узел держал копию части соседнего, а при потере двух должен был перестраивать маршруты.

— Почему отец в Туле? — спросил я.

— Последняя подтверждённая запись ушла туда в 2003-м.

— А потом?

— Потом её могли копировать дальше.

— То есть он может быть во всех пяти?

— Частями.

Мне не понравилось это слово.

— Человек не файл.

— Именно поэтому я сказала «частями», а не «копиями».

Кот посмотрел на нас в зеркало.

— Можно проще?

Маша увеличила схему.

— Представь книгу, которую разорвали на пять пачек. В Туле может лежать начало, в Калуге середина, в Рязани страницы, без которых ничего не понять. Если открыть только одну пачку, получится текст. Но не человек.

— А если собрать все?

— Не знаю.

— Сигма знает?

Маша помолчала.

— Сигма считает, что вероятность восстановления полной личности выше шестидесяти процентов.

— А вероятность сделать что-нибудь хуже?

— Не считает.

— Почему?

— Я запретила ей давать мне цифру, если она не знает, как её проверить.

Я посмотрел на неё.

После школы она стала чаще говорить «я», когда речь шла о Сигме. Мне это нравилось.

Телефон Кота завибрировал на панели. Он взглянул на экран и сбросил.

— Кто?

— Никто.

Через минуту телефон зазвонил снова.

— Борис? — спросила Маша.

Кот не ответил.

Это и было ответом.

После Коллектора Бориса увезли с группой, которая пыталась изъять школьный блок. Формально — для объяснений. Неформально никто не знал, где он провёл ночь. Лена сказала, что если Борис ещё раз попытается спасать её без её согласия, она сама сломает ему ногу. Борис услышал это. Кажется, даже понял.

Но исчез всё равно.

За Серпуховом начались помехи. Радио ловило только одну станцию, и та повторяла предупреждение МЧС о временных ограничениях связи. Телефон показывал четыре деления, но страницы не открывались.

— Это не авария, — сказал Кот.

— Почему?

— Потому что аварии не умеют начинаться ровно по границе района.

На первом посту нас пропустили после проверки документов. На втором попросили открыть фургон.

Мужчина в серой форме долго смотрел на аккумуляторы.

— Везёте оборудование?

— Ремонтное, — сказал я.

— Куда?

— В больницу.

Это было почти правдой.

Он увидел логотип ПНР на моём старом рюкзаке.

— Вы Воробьёв?

Я почувствовал, как Кот перестал дышать.

— Да.

Мужчина сверился с планшетом.

— Вам рекомендовано вернуться в Москву.

— Кем?

— Не указано.

— Тогда это не рекомендация. Это спам.

Он поднял глаза.

Маша тихо сказала:

— Илья.

Я уже приготовился услышать приказ выйти из машины, но мужчина вернул документы.

— В Тулу всё равно не успеете.

— К чему?

Он помедлил.

— К демонтажу.

Шлагбаум поднялся.

Мы проехали метров двести, прежде чем Кот спросил:

— Какому демонтажу?

Маша уже набирала номер.

Ответила женщина, представившаяся дежурным врачом областного нейроцентра. Маша назвала код узла. На другом конце повисла тишина.

— Кто вам дал этот номер? — спросила женщина.

— Наталья Сергеевна.

— Тогда приезжайте быстрее. У нас здесь люди с бумагами и два электрика, которые не знают, что отключают.

— Сколько времени?

— Они сказали: до двенадцати всё оборудование должно быть вынесено.

Я посмотрел на часы.

08:11.

Кот прибавил скорость.

— А если вынесут? — спросил он.

Маша положила телефон.

— Тогда тульский участок кольца перестанет существовать.

— А отец?

Она посмотрела на меня.

— Если его состояние только там, мы его потеряем.

Я открыл термос. Кофе уже остыл.

Впереди над мокрой дорогой висела серая полоса Тулы.

Вчера мне хотелось хотя бы несколько часов обычной жизни.

Сегодня обычная жизнь снова ехала в багажнике вместе с кусачками.

* * *

Тульский узел находился под корпусом больницы, который официально считался закрытым на капитальный ремонт.

Снаружи это выглядело убедительно. Забор, строительная сетка, табличка «Проход запрещён», два контейнера с мусором. Только мусор был сухой, хотя дождь шёл всю ночь.

Нас встретила та самая врач. Невысокая женщина лет пятидесяти, короткие волосы, белый халат под плащом.

— Вера Николаевна.

— Илья.

Она пожала мне руку, Маше кивнула, Кота осмотрела так, будто решала, можно ли его пускать в операционную.

— Те, кто демонтирует, где?

— Внизу. Я затормозила их документами. Попросила акт на каждый кабель.

Кот усмехнулся.

— Опасный человек.

— Я двадцать восемь лет работаю в государственной медицине. У меня оружие страшнее вашего.

Она показала папку.

Мы спустились на минус второй этаж. Там больница закончилась.

Стены были обшиты старым серым металлом. На дверях — номера без названий. Кабели шли открыто по потолку и уходили в помещение, где стояли стойки возрастом примерно с меня.

Двое электриков в оранжевых жилетах сидели на ящике и пили чай.

— Я же говорила: не трогать, — сказала Вера Николаевна.

— Мы и не трогаем, — ответил один. — У нас подписи нет.

За стойками стояли трое в серых куртках. Один держал планшет.

Я узнал форму. Не людей.

— Андрей с вами? — спросил я.

Человек с планшетом посмотрел внимательнее.

— Нет.

— Тогда кто старший?

— Я.

— Имя?

— Не относится к работам.

— Значит, относится к жалобе.

Он не улыбнулся.

— Илья Сергеевич, вам было рекомендовано не покидать Москву.

— Уже слышал.

— Здесь закрытый объект.

— А там, — я показал на стойки, — люди.

— Там носители данных.

Вера Николаевна захлопнула папку.

— У меня в отделении семнадцать пациентов, чьи карты совпадают с вашими «носителями данных». Пока вы не докажете обратное, оборудование относится к медицинской инфраструктуре.

— Докажем.

— В суде.

Кот наклонился ко мне.

— Я её люблю.

Маша подошла к ближайшей стойке. На передней панели горели три зелёных индикатора и один жёлтый.

— Сигма видит только внешний интерфейс.

— Внутрь можешь?

— Нет. Этот узел старше её активной версии.

Я открыл нижнюю дверь шкафа.

Внутри всё было собрано по той же школе: аккуратно,

неудобно и с расчётом, что следующий человек догадается сам.

На шине питания стояла металлическая пластина.

237.

— Похоже? — спросил Кот.

— Очень.

Я провёл пальцем по краю.

На обратной стороне была не отцовская надпись. Машинная гравировка:

«УЗЕЛ 4. ЛОКАЛЬНЫЙ ДОПУСК».

— Четыре? — спросил я.

Маша открыла карту.

— В старой документации номера не совпадают с городами. Тула могла быть четвёртой по порядку ввода.

Серый старший подошёл ближе.

— Не вскрывайте оборудование.

— Оно уже вскрыто.

— Отойдите.

Вера Николаевна встала между нами.

— У вас есть распоряжение на применение силы в больнице?

Он посмотрел на неё, на камеры в потолке, на нас.

— До двенадцати оборудование должно быть отключено.

— В одиннадцать пятьдесят девять обсудим.

Он ушёл к лестнице звонить.

Я полез глубже.

Через десять минут нашёл сервисный журнал. Не файл — маленький матричный дисплей, спрятанный за блоком питания.

На нём была одна строка:

«СОСТОЯНИЙ: 43».

Следующая:

«ПОЛНЫХ: 0».

— Ноль полных, — прочитал Кот. — Это плохо?

— Не знаю.

Я нажал стрелку.

Пошли фамилии.

Некоторые я уже видел в московском архиве. Люди, исчезнувшие в конце восьмидесятых. Несколько — из 2008 года. Один — 2019.

Потом:

«ВОРОБЬЁВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ. 2003».

У меня перестали мёрзнуть пальцы.

Ничего героического не произошло. Я просто сидел на корточках перед старым шкафом и смотрел на имя отца.

— Илья, — тихо сказала Маша.

— Подожди.

Я открыл карточку.

«СОСТОЯНИЕ: ФРАГМЕНТ 2/5».

«ЦЕЛОСТНОСТЬ: 19%».

«МАРШРУТ: КОЛЬЦО».

Ниже мигала строка:

«ПОСЛЕДНИЙ ОБМЕН: 13.11.2024 23:41».

— Вчера, — сказал Кот.

— До открытия архивов, — ответила Маша.

— Значит, он двигался по сети вчера?

— Его данные двигались.

Я не хотел поправлять её. Но она сама добавила:

— Я не называю это человеком, пока не знаю, что именно сохранилось.

Спасибо я тоже не сказал.

В журнале было ещё сорок две карточки. У всех — дроби. 1/5, 2/5, 3/5. Ни одной полной.

— Зачем разрывать людей? — спросила Вера Николаевна.

Маша ответила:

— Чтобы ни один узел не мог восстановить человека без остальных.

Я посмотрел на неё.

— Предохранитель?

— Или контроль.

У двери появился молодой мужчина в чёрной куртке. Не из серой группы. Худой, коротко стриженный, с бумажной картой города в руке.

— Скорее контроль, — сказал он.

Кот сразу встал.

— Ты кто?

— Артём.

— Это имя. Я спрашивал, кто.

Артём посмотрел на стойки.

— Тот, кто не хочет, чтобы вы их соединяли.

Серые у лестницы заметили его слишком поздно. Артём поднял обе руки.

— Спокойно. У меня ничего нет.

— Тогда как вошёл? — спросила Вера Николаевна.

— Через вентиляцию старого корпуса.

— Нормальные люди пользуются дверью.

— Нормальных сейчас проверяют на постах.

Маша изучала его лицо.

— Люддит?

— Если вам удобно это слово.

— А тебе неудобно?

— Оно делает вид, будто мы против техники. Я против того, чтобы человек проснулся и первым делом обнаружил, что его жизнь снова зависит от чужого сервера.

Он кивнул на имя моего отца.

— Вы хотите собрать его?

Я встал.

— Да.

— Даже если для этого придётся включить кольцо?

— Если другого способа нет.

— Тогда сначала узнайте, зачем его разорвали на пять частей.

Кот сделал шаг к нему.

— Откуда ты знаешь, что частей пять?

Артём развернул бумажную карту. На ней были отмечены наши пять городов. У каждого — время.

Тула: 12:00.

Калуга: 16:00.

Рязань: 20:00.

Иваново: 02:00.

Тверь: 06:00.

— Это график демонтажа, — сказал он. — Не только здесь.

Маша взяла карту.

— Источник?

— Человек, который считает, что уничтожить кольцо лучше, чем отдать его государству.

— А ты так не считаешь?

Артём посмотрел на имя Сергея Воробьёва на дисплее.

— Я пока не решил.

В стойке щёлкнуло реле.

Жёлтый индикатор стал красным.

На дисплее появилось:

«ПОТЕРЯ СВЯЗИ С УЗЛОМ 2».

Через секунду:

«ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОСТОЯНИЙ».

Вентиляторы взвыли.

— Что происходит? — спросила Вера Николаевна.

Маша побледнела.

— Кто-то отключил другой город раньше графика.

На карточке отца цифра изменилась.

19%.

18%.

17%.

Я смотрел, как человек превращается в убывающий процент.

— Сколько времени? — спросил я.

Маша не ответила сразу.

— До чего?

— До того, как это станет необратимо.

Сигма заговорила через её планшет:

[ПРИ ТЕКУЩЕЙ СКОРОСТИ ДЕГРАДАЦИИ — ТРИДЦАТЬ ОДИН ЧАС.]

Артём выругался.

Я закрыл шкаф.

— Тогда хватит спорить. Где узел два?

Он посмотрел на карту.

— Калуга.

ГЛАВА 2. СОРОК ТРИ ИМЕНИ

До полудня оставалось меньше часа, но уехать сразу мы не могли.

Если просто оставить Тулу, серые отключат её по расписанию. Если забаррикадироваться, мы потеряем Калугу раньше, чем доберёмся туда. Нужно было сделать так, чтобы узел нельзя было выключить одной подписью.

Вера Николаевна предложила самое неприятное для любой закрытой системы решение: позвать родственников.

— У меня есть фамилии семнадцати пациентов, — сказала она. — У Маши есть ещё. Если люди придут сюда и официально заявят, что оборудование связано с лечением их близких, демонтаж остановят хотя бы до комиссии.

— А если не остановят? — спросил Кот.

— Тогда у нас будет сорок камер и очень плохой день у того, кто отдаст приказ.

Артём стоял у стены.

— Публичность не всегда защита.

— А подполье не всегда свобода, — ответила Вера Николаевна.

Он промолчал.

Мне досталась самая простая работа: сделать копию журнала и проверить питание.

Я подключил внешний аккумулятор через свою развязку.

Не потому, что доверял узлу. Потому что не доверял электрикам, приказам и людям, которые считают выключатель разновидностью аргумента.

На карточке отца держалось 17%.

— Можно поговорить с ним? — спросил я.

Маша покачала головой.

— С такой целостностью мы получим реконструкцию. Система заполнит пробелы предположениями.

— То есть голос будет похож.

— Может быть.

— И память?

— Некоторые ответы могут быть настоящими. Некоторые — статистически наиболее вероятными.

— Тогда нет.

Я закрыл карточку.

Мне нужен был отец, а не программа, которая умеет угадывать, что отец сказал бы.

К одиннадцати сорока возле больницы собралось около тридцати человек.

Первой пришла женщина с фотографией сына. Потом пожилой мужчина с папкой медицинских документов. Потом двое братьев, которые спорили между собой ещё у входа: один хотел немедленно подключить всё, второй требовал уничтожить серверы.

Серый старший снова спустился к нам.

Теперь я знал его фамилию. Капитан Серов. Вера Нико-

лаевна нашла в его распоряжении подпись и заставила представиться для протокола.

— Демонтаж приостановлен на два часа, — сказал он.

— Почему только на два? — спросила она.

— До решения центра.

— Какого центра?

— Координационного.

— Фамилия руководителя?

Серов вздохнул.

— Доктор, я понимаю вашу тактику.

— Тогда экономьте время и сразу отвечайте полностью.

Кот отвернулся, чтобы не засмеяться.

Серов показал Маше планшет.

— У нас есть данные о попытках внешнего доступа к таким узлам. Вчера один канал открылся через Москву. Сегодня ночью неизвестный запрос пришёл из-за рубежа. Если кольцо собрать, вы создадите распределённую сеть с доступом к человеческим состояниям.

— Поэтому вы хотите физически уничтожить хранилища?

— Поэтому мы хотим их изолировать и вывезти.

— Куда?

— В защищённый центр.

Артём наконец вмешался:

— Один центр. Один владелец. Отличный способ не повторить 317.

Серов повернулся.

— Вы задержаны.

— За что?

— Для начала за незаконное проникновение.

— Тогда задерживайте после того, как закончите спасать людей.

Серов сделал знак сотруднику у двери. Тот подошёл, но Вера Николаевна подняла руку.

— В моём отделении никого не задерживают без полиции и врача, если это не угроза пациентам.

— Он угроза.

— Тогда сформулируйте диагноз.

Серов закрыл глаза на секунду.

Я начал понимать, почему Андрей вчера предпочёл остаться внутри Коллектора, а не выполнить приказ снаружи.

Телефон Маши зазвонил.

Максим Воробьёв.

Она включила громкую связь.

На экране появилось его лицо. За ночь он постарел лет на пять.

— Тулу нашли?

— Да.

— Не соединяйте её напрямую с Москвой.

Я посмотрел на Машу.

— Почему?

— В 2011-м мы оставили между кольцом и центральной сетью аппаратный разрыв. Если его восстановить, старые маршруты 847 снова станут разрешёнными.

Серов приблизился к экрану.

— Максим Андреевич?

— Кто это?

— Капитан Серов, группа изоляции.

— Тогда слушайте тоже. Вывозить узлы в один центр нельзя.

— Основание?

— Потому что кольцо строили так, чтобы ни у кого не было полного архива. Даже у нас.

— Кто «мы»?

Максим помолчал.

— Люди, которые слишком поздно поняли, что сделали.

Он прислал файл.

На старой схеме было пять прямоугольников. Между ними — соединения. Центрального узла не было.

У каждого прямоугольника стояло условие:

«ЛОКАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ».

— Для чего? — спросил я.

— Для переноса состояния между хранилищами. И для восстановления. Один человек в Москве не должен был иметь возможность нажать кнопку за всех.

Артём усмехнулся.

— А потом кто-то всё равно сделал административное

подтверждение.

— Да, — сказал Максим. — Именно поэтому вы сейчас стоите там.

Я пролистал схему.

— Отец работал над этим?

Максим посмотрел прямо в камеру.

— Судя по журналам, Сергей переделывал локальные блоки после 1999-го. Он убирал центральные обходы.

— Почему мне никто не сказал раньше?

— Потому что до открытия архивов у меня не было этих журналов.

В стойке снова щёлкнуло.

На дисплее побежали строки.

«УЗЕЛ 2: НЕТ ОТВЕТА».

«УЗЕЛ 1: СВЯЗЬ НЕСТАБИЛЬНА».

«МИГРАЦИЯ ОСТАНОВЛЕНА».

Среди карточек одна стала красной.

Женщина рядом с Верой Николаевной вскрикнула.

— Это мой сын.

На экране:

«БАРСУКОВ АЛЕКСЕЙ. ФРАГМЕНТ 3/5».

«ЦЕЛОСТНОСТЬ: 41%».

40%.

39%.

— Почему он падает быстрее? — спросила она.

Маша быстро открывала журналы.

— Один из его фрагментов был в Калуге. Если узел обесточен, система пытается собрать доступное здесь и не может закончить.

Женщина схватила меня за рукав.

— Вы можете что-то сделать?

Я ненавидел этот вопрос.

Потому что иногда ответ «да» опаснее ответа «нет».

— Могу остановить попытку переноса.

— Тогда остановите.

— Он останется неполным.

— Сейчас он исчезает.

Я посмотрел на Машу.

— Локальный стоп есть?

— По схеме — да.

Мы нашли его под второй панелью. Не кнопка. Две клеммы, замкнутые заводской перемычкой.

— Если разомкну, — сказал я женщине, — узел перестанет пытаться собрать вашего сына. Это не вернёт его. Просто сохранит то, что осталось.

— Делайте.

— Вы понимаете?

— Я понимаю, что сейчас цифра уменьшается.

Я снял перемычку.

39% остановились.

В комнате стало тихо.

Артём смотрел на мои руки.

— Вот так и должно быть, — сказал он.

— Как?

— Не система решила. Не государство. Не ты один.

Я убрал перемычку в карман.

— Не начинай проповедь. Мы потеряли Калугу.

Маша проверила время.

— Не полностью. Резервный канал отвечает раз в сорок секунд.

— Значит, питание там ещё есть.

Кот уже шёл к двери.

— Едем.

Женщина не отпускала мой рукав.

— А Алексей?

— Пока останется здесь.

— Вы вернётесь?

Я вспомнил звонок жены Валеры, когда мы ехали в машине, и собственное обещание, которое не знал, смогу ли выполнить.

— Я постараюсь.

Она кивнула.

Не «верю». Не «спасибо».

Просто отпустила.

У машины нас догнал Артём.

— Я с вами.

Кот открыл водительскую дверь.

— Нет.

— У меня есть адрес калужского входа.
— У нас тоже.
— У вас официальный. Он перекрыт.
Кот посмотрел на меня.
Я посмотрел на Артёма.
— Оружие есть?
— Нет.
— Врёшь?
— Нет.
— Тогда садись.
Серов вышел из здания, когда мы уже тронулись.
Он не пытался остановить.
Только поднял телефон и кому-то позвонил.
Это беспокоило больше шлагбаума.

ГЛАВА 3. КАЛУГА

Артём привёл нас не к центру связи, а к гаражному кооперативу на окраине Калуги.

— Ты уверен? — спросил Кот.

— Нет. Поэтому и приехал.

— Обнадёживает.

За бетонными гаражами шёл старый коллектор теплотрассы. Люк был заварен с одной стороны и прикрыт листом железа с другой.

— Официальный вход в двух километрах, — сказал Артём. — Там с утра стоят машины.

— Откуда у тебя это?

— Люди пишут друг другу.

— В интернете?

— На бумаге тоже умеют.

Кот посмотрел на его карту.

На полях были номера телефонов, стрелки и время.

— Кто тебя сюда отправил?

— Никто.

— В двадцать пять лет все думают, что сами придумали войну.

Артём резко повернулся.

— Мне двадцать шесть.

— Тогда другое дело.

Я полез в люк первым. Через десять метров пожалел.

Теплотрасса не работала, но трубы занимали почти весь проход. Нужно было идти боком, пригибаясь под соединениями. В одном месте вода стояла по щиколотку.

Маша шла за мной, потом Артём, Кот замыкал.

— Почему ты против кольца? — спросил я, чтобы не слушать собственное дыхание.

— Я не против кольца. Я против того, что вы первым делом хотите включить его целиком.

— А ты что предлагаешь?

— Открывать каждый узел отдельно. Публично. С родственниками. С врачами. Без центральной системы.

— Пока мы будем проводить собрания, люди развалятся на проценты.

— Очень удобная спешка.

Я остановился.

— У меня отец там.

— Знаю.

— И сорок три человека в Туле.

— Знаю.

— Тогда предложи решение быстрее.

Он протиснулся мимо трубы и встал напротив.

— Не отдавай всё Сигме только потому, что она помогает тебе сейчас.

— Я ей ничего не отдаю.

— Ты уже едешь по её карте.

Маша сказала сзади:

— Карта старая. Я её тоже получила из архива.

Артём посмотрел на неё.

— Я не про карту.

Кот постучал по трубе.

— Можно философию после канализации?

Мы пошли дальше.

Через двести метров упёрлись в металлическую дверь. Снаружи — никаких ручек. Только старый считыватель и два винта.

Я достал отвёртку.

— Вот поэтому инженеров и берут на революции, — сказал Кот.

— Потому что у нас отвёртки?

— Потому что вы любую дверь сначала считаете плохо обслуженной.

За дверью оказался кабельный этаж.

Свет горел аварийный. Вентиляция молчала.

Запах был знакомый: нагретая изоляция.

— Быстрее, — сказал я.

Мы нашли зал по шуму вентиляторов. Из шести стоек работали две. На полу стоял переносной дизельный генератор. Рядом сидел парень в рабочей куртке и держал рукой топливный шланг.

— Наконец-то, — сказал он.

— Ты кто? — спросил Кот.

— Павел. Электрик. Мне сказали держать до приезда врача.

— Какого врача?

— Понятия не имею. Вчера сюда привезли женщину, показала письмо, сказала: если вырубят стойки, люди умрут. Я решил, что она сумасшедшая. Потом сверху отключили ввод и пришли люди с пломбами.

Он показал на генератор.

— Топлива минут на двадцать.

Маша подошла к стойке.

— Узел два.

Артём ничего не сказал.

Я увидел на панели красную надпись:

«ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ: АКТИВНО».

— Вот это мне не нравится.

— Мне тоже, — сказала Маша.

Сигма через планшет сообщила:

[ИСТОЧНИК УПРАВЛЕНИЯ НЕ ОПРЕДЕЛЁН.]

— Москва?

[НЕТ.]

— 847?

Пауза.

[ВОЗМОЖНО.]

Кот выругался.

На дисплее пошли команды:

«ПОДГОТОВКА К ПЕРЕДАЧЕ».

«ЦЕЛЕВОЙ УЗЕЛ: 4».

Тула.

— Оно пытается отправить всё в Тулу, — сказал я.

— Или забрать из Тулы, — ответила Маша.

Я открыл нижнюю панель.

Схема отличалась от тульской. Здесь кто-то аккуратно добавил современный сетевой модуль. Новый пластик, новые разъёмы, пломба с датой прошлого года.

— Это не старое оборудование.

Павел посмотрел через плечо.

— Его ставили в марте. Ночная бригада.

— Кто?

— По бумагам — обслуживание безопасности.

Артём тихо сказал:

— Я же говорил.

— Ты говорил много. Подержи фонарь.

Я проследил кабель от нового модуля. Он входил в старую плату через реле.

— Если снять, потеряем связь с кольцом?

Маша сверилась со схемой.

— Нет. Только внешний канал.

— Уверена?

— Нет.

— Отлично.

Кот засмеялся.

— У вас семейная традиция.

Я отключил модуль.

Реле щёлкнуло.

«ВНЕШНЕЕ УПРАВЛЕНИЕ: ОТСУТСТВУЕТ».

Почти сразу на другом экране появилась строка:

«УЗЕЛ 4: ДОСТУПЕН».

Тула вернулась.

Карточки начали стабилизироваться.

— Илья, — сказала Маша.

На дисплее была новая запись.

«ВОРОБЬЁВ СЕРГЕЙ. ФРАГМЕНТ 1/5».

Целостность в Калуге: 21%.

Тула: 17%.

Вместе система показывала 38%.

— Уже два, — сказал Кот.

Артём смотрел не на отца.

На верхнем экране появилось:

«ДЛЯ СБОРКИ СОСТОЯНИЯ ТРЕБУЕТСЯ 3 УЗЛА».

Ниже:

«ДЛЯ ПОЛНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБУЕТСЯ 5 УЗЛОВ».

— Три узла, — прочитал Павел. — И что будет на трёх?

Маша ответила:

— Состояние можно будет собрать достаточно, чтобы оно отвечало.

— А на пяти?

Она посмотрела на меня.

— Теоретически — восстановить носитель, если он существует. Или подготовить новый.

Я почувствовал холод, хотя в зале было жарко.

— Новый что?

— Тело, — сказала она.

Артём отступил от стойки.

— Нет.

— Что «нет»?

— Вот это вы не будете делать без людей.

— Без каких людей?

— Без тех, кого собираетесь возвращать.

Я посмотрел на список. Сорок три имени в Туле. Здесь — пятьдесят восемь.

— Как спросить у человека, которого нет?

Артём ответил сразу:

— Не знаю.

И впервые мне понравился его ответ.

Сверху хлопнула дверь.

Потом ещё одна.

Павел вскочил.

— Они вернулись.

Кот погасил фонарь.

Из коридора донёсся голос:

— Электропитание объекта будет прекращено. Персоналу покинуть технический этаж.

Павел посмотрел на генератор.

— Пятнадцать минут.

Я закрыл панель.

— Есть другой выход?

Он показал на дальнюю дверь.

— К старой насосной. Но стойки не унесём.

— И не надо.

— Тогда они выключат.

Я посмотрел на новый сетевой модуль у себя в руке.

На нём была наклейка с номером заказа.

ПНР.

Моя контора.

Я сфотографировал.

— Сначала узнаем, кто им дал право.

Кот поднял брови.

— Прямо сейчас?

— Нет. Сейчас найдём, где здесь аварийный ввод.

Павел улыбнулся впервые.

— Вот это я могу показать.

* * *

Аварийный ввод оказался в соседнем здании, под старой котельной.

Проблема была в том, что между нами и котельной уже стояли люди, которые пришли отключать узел.

Павел показал схему на стене.

— Кабель идёт через тоннель. Там ручной переключатель. Если подать питание с котельной, стойки продержатся сколь-

ко угодно.

— А котельная работает? — спросил я.

— На резерве. Больницу же не оставят без отопления.

— Значит, надо дойти.

Кот посмотрел на дверь.

— Через людей с удостоверениями?

— Можно через насосную, — сказал Павел. — Только там вода.

— Сколько?

— По колено. Если повезёт.

Артём сложил карту.

— Я пойду.

— Нет, — сказал Кот.

— Почему?

— Потому что ты слишком хочешь доказать, что не трус.

— А ты?

— Я уже доказал. Несколько раз. Обычно зря.

В итоге пошли мы втроём: я, Кот и Павел. Маша осталась у стойки. Артём — с ней. Не потому, что мы ему доверяли, а потому что кто-то должен был смотреть, не начнёт ли внешний канал снова подниматься.

В насосной вода оказалась выше колена.

Она была холодная и пахла ржавчиной. В нескольких местах кабели проходили прямо над водой, и я каждый раз проверял напряжение, прежде чем делать следующий шаг.

— Ты всегда такой весёлый? — спросил Кот.

— Только когда стою в воде рядом с неизвестной электрикой.

Павел шёл впереди. У него были резиновые сапоги. У нас — нет.

На середине тоннеля сверху ударило.

Пыль посыпалась с потолка.

— Что это?

Павел остановился.

— Дверь насосной ломают.

Кот достал телефон. Связи не было.

— Быстрее.

Ручной переключатель стоял за решёткой. Замок заржавел.

Павел полез за ключами.

Я посмотрел на петли.

— Не трать время.

— А что?

— Дай лом.

Через минуту решётка лежала в воде.

Переключатель был трёхпозиционный: ОСНОВНОЙ, НОЛЬ, РЕЗЕРВ.

Я проверил фазу на резервном вводе.

Была.

— Включаю.

— Подожди, — сказал Павел.

— Что?

Он показал на красную пломбу под рукояткой.

«АВТОМАТИЧЕСКАЯ БЛОКИРОВКА. СИСТЕМА КРАСНАЯ».

Кот прочитал.

— Это имя?

— Пока нет, — сказал я.

Маша говорила, что в старых документах Красной называли оборонительный контур, который ограничивал доступ к опасным узлам. Не личность. Не голос. Набор правил.

Я сорвал пломбу.

Переключатель не двинулся.

На маленьком дисплее загорелось:

«ПРИЧИНА ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ?»

— Серьёзно? — спросил Кот.

На корпусе была клавиатура.

Я набрал: «СОХРАНЕНИЕ ПАЦИЕНТОВ».

Ответ:

«ПОДТВЕРДИТЕ ЧИСЛО ПАЦИЕНТОВ».

— Сто один, — сказал Павел.

— Откуда?

— Пятьдесят восемь здесь и сорок три в Туле. Я умею складывать.

Я ввёл 101.

«ПОДТВЕРДИТЕ РИСК ВНЕШНЕГО ДОСТУПА».

Кот хмыкнул.

— Умная железка.

Я написал: «ЕСТЬ».

«ПОДТВЕРДИТЕ ЛОКАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ».

На экране появились три поля.

ФИО.

ДОЛЖНОСТЬ.

КОД.

— И кого вписывать? — спросил Павел.

— Меня.

— Почему тебя?

Я уже хотел ответить, что у меня есть ключ, но остановился.

Ещё недавно я бы сказал: потому что могу.

Теперь этого было недостаточно.

— Тебя, — сказал я Павлу.

— Меня?

— Это твой объект. Ты здесь работаешь. Ты понимаешь питание. И ты останешься после того, как мы уедем.

Он посмотрел на меня так, будто ждал подвоха.

— А если что-нибудь случится?

— Тогда твоё имя будет в журнале.

— Прекрасно.

— Можешь отказаться.

Он долго смотрел на дисплей.

Потом ввёл свои данные.

Код у него был обычный служебный, от котельной. Систе-

ма приняла.

Рукоятка разблокировалась.

Павел перевёл на РЕЗЕРВ.

Где-то далеко заработали вентиляторы.

Дисплей показал:

«РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО ЛОКАЛЬНО».

И ниже:

«КРАСНАЯ: ОГРАНИЧЕНИЕ ВНЕШНЕГО УПРАВЛЕНИЯ АКТИВНО».

Кот посмотрел на меня.

— Теперь имя?

— Пока всё ещё функция.

Мы вернулись по воде.

Дверь насосной уже была открыта. Возле неё стояли двое в серых куртках.

Один поднял руку.

— Остановитесь.

Кот сделал шаг вперёд.

Я схватил его за рукав.

— Спокойно.

За их спинами появился Серов.

Он приехал из Тулы быстрее, чем мы.

— Вы незаконно вмешались в систему энергоснабжения, — сказал он.

— Мы переключили медицинский объект на резерв, — ответил Павел.

Серов посмотрел на него.

— Вы кто?

— Ответственный электрик.

Павел показал удостоверение.

— Решение моё. Запись в журнале есть.

Серов помолчал.

— Вы понимаете, что узел связан с внешней сетью?

— Понимаю.

— И всё равно включили?

— Я отключил внешний модуль, — сказал я.

Серов перевёл взгляд на коробку у меня в руке.

— Верните.

— После описи.

— Это имущество объекта.

— Тогда пусть Павел примет.

Павел неожиданно сказал:

— Не приму. В журнале его нет.

Кот кашлянул, скрывая смех.

Серов устало потёр лицо.

— Вы думаете, я хочу их уничтожить?

— Не знаю, чего вы хотите.

— Я хочу, чтобы завтра в пяти городах не проснулись системы, которые никто не умеет выключать.

— А люди?

— Людей мы можем перевезти.

— Как состояние из пяти частей?

Он ничего не ответил.

Из зала выбежал Артём.

— Илья.

По лицу было понятно: что-то случилось.

Мы вошли внутрь.

На центральном экране мигало новое сообщение.

«УЗЕЛ 3: АКТИВАЦИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАНА».

— Где третий? — спросил я.

Маша увеличила карту.

— Рязань.

Под строкой появилось:

«СБОРКА КОЛЬЦА: 2/5».

Потом:

«ВНЕШНИЙ ЗАПРОС ОТКЛОНЁН СИСТЕМОЙ КРАСНАЯ».

И ещё одна строка, которой на старых экранах раньше не было:

«НЕ ПЕРЕДАВАЙТЕ УПРАВЛЕНИЕ».

Серов прочитал первым.

— Кто это написал?

Маша не отрывала глаз от дисплея.

— Не знаю.

— Сигма?

— Нет.

Кот тихо сказал:

— Значит, функция научилась разговаривать.

Я посмотрел на красную пломбу, которую всё ещё держал в кармане.

Мне стало очень неуютно.

ГЛАВА 4. РЯЗАНЬ

До Рязани было почти четыре часа, если ехать нормально.

Кот нормально не ехал.

Серов попытался остановить нас на выезде. Не физически — документами. У него было распоряжение о запрете перемещения сервисных ключей между областями.

Я показал пустые руки.

— Ключа нет.

Он посмотрел на карман моей куртки.

— Пластина у вас.

— Это не сервисный ключ кольца. Это локальный ключ школы.

— Вы играете словами.

— Вы тоже.

Артём сидел в фургоне и ждал. Серов видел его через стекло.

— Этого человека разыскивают по делу о незаконном доступе к объектам связи.

— Тогда вызывайте полицию.

— Я и есть государственная группа.

— Это не одно и то же.

Серов неожиданно усмехнулся.

— Наталья Сергеевна вас быстро научила.

— Я с ней разговаривал минут десять.

— Значит, вы были таким и раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.